

Владимир Карпович ЖЕЛЕЗНИКОВ

ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО «Б»

Повесть

Вандал, варвар, гунн! Но в отличие от них на тебе лежит печать цивилизации нескольких столетий! Может быть, ты считаешь, это не имеет значения? Посмотрим, посмотрим...

Из высказывания тети Оли в мой адрес.

ТЕТРАДЬ С ФОТОГРАФИЯМИ

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

— Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неистребим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали,

будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни — не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вlepили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

— Ты куда? — спросил Сашка.

— Никуда, — ответил я. — А ты?

— И я никуда, — сказал Сашка.

— А у меня, — сказал я, — есть десять рублей, — вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

— Подумаешь! — сказал Сашка.

— Да это же мои собственные! — возмутился я.

— Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

— Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

— А куда? — дотошно спросил он.

Я ответил:

— Естественно, в магазин.

— А в какой?

— «Все для женщин».

— Что-то я такого магазина не знаю, — сказал недоверчиво отец. — А ты, часом, не врешь?

— Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Все для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врешь?» Недаром тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

— А где он находится? — продолжал он допрос.

— На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

— Там всю жизнь была керосиновая лавка! — завопил папа.

— Ее снесли, — храбро ответил я. — И выстроили новый магазин.

Ну, а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, — куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Все для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошел в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся. Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придрать к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и

самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

— Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! — кричала мама. — Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

— Ну чего ты? — сказал я. — Из-за кровати...

— Да нет, — ответила она, — из-за тебя. Растешь балбесом.

— Я обязательно исправлюсь, — сказал я. — Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

*

Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

— Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что сохрем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву — я, букву — Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

— А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? — спросила Настя.

— Он у нас знаменитый флейтист, — ответил я за Сашку.

— Молодец, — сказала Настя. — А ты, Боря, чем увлекаешься?

— Я? Исключительно ничем.

— Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

— Еще один воспитатель на мою бедную голову! — сказал я.

— Извини, — тихо ответила она. — Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.

Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила», — подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделываться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

— Что это вдруг? — удивился я. — Вроде еще ничего не случилось.

— Случилось. — Нина загадочно-загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

— Интересно, — тут же стремительно вступил в игру Сашка.

— Ребята, минуту внимания! — сказала Нина. — Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

— Уря-а-а! — закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

— А во-вторых... — сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тю-тю! Сидел себе и похихикивал.

— А где Збандуто? — спросила Нина.

— Не знаю, — ответил Сашка. — Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

— Что с тобой, Збандуто? — участливо спросила Нина.

— Он сомлел, — сказал Сашка. — Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

— Воды, — приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. По-моему, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила Нина участливо. — Получше?

— Ничего, — сказал я. — Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

— Хорошо, — сказала Нина, — в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

— А теперь, ребята, я вам сообщу новость, — снова торжественно начала Нина. — Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». — Она повернулась ко мне и объявила: — Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех — мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

— Донато! Ха-ха-ха! — закричал Сашка. — Он научит их получать двойки.

— Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

— Надувато! Научи их лупить девчонок!

— Бить окна!..

— Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

— Ну, хватит. Посмеялись — и хватит! — серьезно сказала Нина. — Согласен, Збандуто?

— Нет, — ответил я. — У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

— То ты икаешь, — сказала Нина, — то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори, согласен или нет?

— А что я буду с ними делать? — спросил я.

— Подготовишь в октябрюта, — ответила Нина.

— Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! — выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

— Что здесь смешного? — сказала она. — Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнес:

— Я согласен.

— Несчастный Надувато, мне тебя жаль! — Сашка корчился от смеха.

— Может, помолчишь? — спросил я. — А?

— Ну, вот и хорошо, Збандуто, — сказала Нина. — Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

— Можете на меня положиться, — громко ответил я и победно оглядел притихший класс.

— Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, — предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год — три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна. А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке — это поважнее, чем пищать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская организация...» Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

*

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

— «Дорогие ребята! — крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. — Пионерская организация, известная своим благородством...»

— Что-нибудь случилось? — спросила Полина Харитоньевна, отступая.

— Случилось, — ответил я.

— Что? — Полина Харитоньевна всего боялась.

— Меня назначили вожатым! — крикнул я и пролетел мимо нее в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

— Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

— В первый класс «А», — ответил я.

— Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

— Не называйте меня больше Бокой, — попросил я, — я уже не маленький.

— Хорошо, — согласилась Полина Харитоньевна. — Может быть, пообедаеть?

— Нет, — твердо ответил я, — я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять

осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

— Мама! — закричал я. — У меня хорошая новость!

— Тише, тише, не кричи так, — попросила она.

— Меня назначили вожатым в первый класс, — с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

— Только не называй меня больше Бокой, — предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

— «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

— Неужели исправится? — долетел до меня голос мамы. — Неужели возьмется за ум?

— А что вы думаете, — ответила Полина Харитоньевна. — Обещал развивать силу воли.

— Боже мой! — вздохнула мама. — Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

— «Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену...» — На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

— А, Бока, — сказала мама. — Может быть, все же пообедаешь?

— Опять «Бока»! — возмутился я. — Это, наконец, надоело.

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался.

После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «Мужество».

— Борька! — крикнул кто-то за окном. — Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! — подумал я. — Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты».

— «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным...» — продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет.

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну — мы живем на первом этаже — и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

— Ну, скоро ты? — спросил он.

— Не мешай, — ответил я. — Я занят.

— А как же я? — удивился Сашка. — Что же мне делать в полном одиночестве?

— Действительно. — Я посмотрел на его постную физиономию, — а как же ты? — и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати широко распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

— Ты куда? — закричала мама. — А как же твоя речь?

— Ничего, — ответил я, — даже министры читают свои речи по бумаге, — и прыгнул вниз.

*

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас уставились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят — хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с

двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

— Чего вам надобно, крошки? — спросил Сашка.

— Нам нужен Боря З... — Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

— Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девочки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

— Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, — переврал я свою фамилию.

— Извините, — сказали девчонки в два голоса. — Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

— Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! — Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

— Перестаньте, — сказала она. — Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

— Послушай, Красная Шапочка... — многозначительно произнес я. — Мы же разговариваем. — Отстранил Сашку рукой и сказал: — Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косил глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

— Привет! — крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

— Ты что, — взревел он, вскакивая, — обалдел? — и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка, Она вышла из библиотеки.

— Чего это вы деретесь? — спросила Настя. — А еще друзья!

— У нас дружеская драка, — сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

— Разминка после уроков, — поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

— Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немым восхищением, как на бегемота в зоопарке. Через секунду Настя и Сашка оказались оттесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

— Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

— Пошли в свою тарелку! — крикнул какой-то находчивый малыш.

— Пошли! Пошли! — загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли.

На доске большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

— Ну, это уж слишком, — сказал я и стер надпись.

Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

— «Дорогие ребята! — Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор. — Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за нею тупым взглядом, но поднять не решился.

— «Пионерская организация, всем известная...» — начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и

положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

— «Пионерская организация, всем известная... — На секунду поднял голову, криво усмехнулся: «Повторенье — мать ученья», и продолжал: — ...своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную, мужественную смену...» — Я умолк окончательно.

— Ура-а-а! — закричал мальчишка с последней парты.

— Не надо, — сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

— Ну, давайте познакомимся, — упавшим голосом сказал я.

На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

— Тебя как зовут? — спросил я одну из них.

— Стрельцова, — ответила она, вставая.

— Фамилий не надо, — предложил я. — По фамилиям скучно. Давайте только имена.

— Зина, — сказала Стрельцова и села.

— А меня Наташа, — сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

— У нас две Наташи! И обе дуры! — выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа захлопала своими пятаками. Видно собираясь разреветься.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Генка, — ответил он.

— А сколько у вас Генок?

— Трое.

— Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и острослов Генка тоже. А Наташа уставила на меня свои пятаки и сказала:

— Нет, только этот... Костиков.

— Значит, ты Генка Костиков? — Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: — А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

— Громче, — попросил я.

— Толя! — вместо него выкрикнул Генка. — Он у нас трус. Как девчонка.

— Тихо, тихо, — сказал я. — Храбрость дело наживное. Садись, Толя. — И повернулся к классу: — Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

— Лена!

— Лена!

— Гена!

— Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

— Сима!

— Коля!

— Леша!

— Шура!

Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки — с косичками. Мальчишки — с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

— Довольно! — решительно прервал я этот поток имен. — На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием.

Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

— Вот что, ребята, — сказал я, — мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы сфотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Мальши завывали от восторга. Ужас, до чего они были восторженные!

— А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побежим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

— Приготовились! — скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым. — За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к дверям все одновременно. Ну, конечно, застряли, к получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного

не по себе. Неинтересно их обманывать, они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свожу их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

*

Мы играли в футбол. Шестой «В» на шестой «А». Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была принципиальная игра, во дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу писклявенький зовущий голосок:

— Бо-ря!

Скосил глаза. О боже, возле меня появилось милое видение: та самая первоклашка, у которой глаза как пятаки!

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для задушевной беседы!

Она снова окликнула меня:

— Бо-ря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно вижу впервые:

— Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

— Я Наташа Морозова из первого «А».

— Ну и что? — спросил я.

— Там собака, — ответила она. — Я боюсь, а мне надо домой.

— Ты же видишь, я занят, — возмутился я.

— А я думала, — сказала девчонка, — ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство — лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет, нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле

поспевая, бежала Наташка.

Ну, уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

— Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

— У меня папа в Африку уехал, — ответила Наташка.

— Куда? Куда?

— В Африку.

— А ты хоть знаешь, где находится Африка? — спросил я.

— Конечно! — Она рассмеялась: — Я даже стихи про Африку знаю. «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

— И все! Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

— Я никогда не вру.

— Совсем? — выскочило у меня.

— Совсем, — ответила Наташка. — Я не умею.

— Не горюй! — Я похлопал ее по спине. — Этому я тебя научу.

— Зачем? — спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

— Я пошутил. Я сам никогда не вру, — сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

— И ты ее испугалась? — возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она неожиданно оцетинилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

— Вот видишь! — сказала Наташка. — Она кусается. — Взяла меня за руку и крепко прижалась.

— Ну ладно, африканка, — сказал я, — до свиданья.

— Спасибо! — крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги — как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

— Между прочим, — сказал я громко, — здесь ходят маленькие дети.

— Учтем, — ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус. Наташка села в него. Водитель поторопился закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар.

Я подхватил портфель, впрыгнул в троллейбус и позвал:

— Наташка, ты где?

— Я здесь, — ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

— Все из-за тебя! — угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

— А ты чего? — удивился я.

— Здесь мой дом, — сказала она.

— И ты пешком не можешь пройти одну остановку?

— На троллейбусе интересней.

— «Интересней!» — передразнил я ее.

Я здорово обозлился.

Я стал стягивать наколенники, а то на меня все оглядывались: они были натянуты поверх брюк.

— А твой дом где? — не унималась Наташка.

— Там... — Я неопределенно махнул рукой и пошел.

— Можно, теперь я тебя провожу? — Она догнала меня.

— Нельзя, — ответил я. — Я возвращаюсь на футбол.

Конечно, когда я прибежал в школу, никакого футбола не было и все разошлись. Я уже собирался уходить, как вдруг вижу, ко мне подбегает Наташка.

— Ты чего вернулась? — спросил я.

— Я хотела узнать, чем кончилась игра, — сказала она. — Кто победил?

— Тоже мне болельщица! — возмутился я.

— Боря, а теперь можно, я тебя провожу?

— Провожай, провожай! — От нее нельзя было отделаться.

Домой мы возвращались вместе. Она оказалась смешной и симпатичной. С ней легко было разговаривать. Ее отец действительно уехал работать в Африку. Он врач. А матери у Наташки нет. Она умерла, когда Наташка была маленькой. И теперь они живут вдвоем с бабушкой, пенсионеркой.

Ну, тут я, чтобы поддержать разговор, сказал, что у меня тоже есть знакомая пенсионерка — тетя Оля.

— Пенсионерка! — повторила радостно Наташка и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

— Все пенсионерки смешные, — объяснила она. — В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Правда она веселая. Она мне так понравилась, что я разменял еще один рубль из папиной десятки и угостил ее мороженым. Она его лизала медленно, чтобы растянуть удовольствие.

— Боря, — спросила Наташка (она все время поддерживала разговор), — а твой отец куда уехал в командировку? — Улыбнулась и добавила: — Тоже в Африку?

Шутница!

— Нет. В Сибирь. Он живет среди тофаларов.

— А кто такие тофалары? — спросила Наташка.

— Это маленькая народность в Сибири.

— Так это люди, — догадалась Наташка. — А я про них ничего не слышала. А что он там делает?

— Ищет метеорит в тайге. — Мне нравилась эта игра.

Она была неиссякаема на вопросы.

— А что такое метеорит? — спросила Наташка.

— Это небесное тело. Может быть, осколок далекой звезды.

— Осколок звезды! — восхищенно прошептала Наташка.

— Он летит к Земле со сверхзвуковой скоростью и так разогревается, что превращается в огненный шар.

— В огненный шар, — повторила она.

Все-таки я ее потряс.

Наташка подняла глаза к небу, надеясь увидеть в нем этот огненный шар, но увидела только солнце. Сощурилась, глаза у нее превратились в щелки, и она спросила:

— Как солнце?

— Нет, — ответил я. — Он маленький. Я вижу, вас надо учить еще да учить.

— Конечно, — согласилась Наташка. — Боря, а ты не знаешь, как спят африканские жирафы?

Ну и девица, что придумала! Я бы мог соврать ей или отшутиться, сказать: «Они спят, задрав кверху копыта», или: «Они спят на земле». Но я честно признался, что не знаю. И самое удивительное — мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное. Уж не заболел ли я?

В это время я заметил Сашку, стоящего возле нашего дома. В руках у него был мяч, он небрежно постукивал им об асфальт. Рядом, около стены, лежали наши портфели.

Я остановился и стал перевязывать шнурки в ботинках, а сам

соображал, как отделаться от Наташки. Не хотелось бы, чтобы они сталкивались.

— Иди, — прошипел я, — тебе пора домой.

— Ничего, — успокоила меня Наташка, — я не спешу.

Тогда, все еще завязывая шнурки, я медленно повернулся к Сашке спиной, чтобы уйти.

Я даже прополз несколько шагов на четвереньках, и так, может быть, я бы полз через весь двор, но неожиданно передо мной выросла стена в виде Сашки.

— Ну что? — спросил я беззаботным тоном, делая вид, что Наташка вроде бы не со мной. — Зайдем ко мне?

Собственно, если бы он ответил мне сразу, ничего и не произошло бы, но он так долго обсасывал свой леденец, как будто это было самое важное занятие в мире. Он сосал леденец и презирал меня. Щеки у него были пунцово-малиновые, и поэтому особенно контрастно выделялся синяк под глазом, который кто-то ему поставил во время игры.

И вот тут-то нетерпеливая Наташка вполне дружески ворвалась в нашу беседу.

— Какой у вас синяк! — сказала она и заботливо добавила: — Вам надо к врачу.

Сашка ей ничего не ответил и стал кричать, что они продули игру из-за меня, потому что я поставил в ворота размазню, что я совсем в последнее время ошалел, что ему противно со мной разговаривать, что я предатель.

— Так вы проиграли, — разочарованно сказала Наташка.

Сашка секунду помолчал и, не поворачиваясь к ней, не вытаскивая изо рта леденца, едва разжимая губы, процедил:

— А ну валяй отсюда, шмокодавка!

Наташка посмотрела на меня, ждала, видно, что я за нее заступлюсь.

А я сказал:

— Иди, иди! Тебе пора.

Она повернулась и пошла, медленно так пошла, — может, думала, что я все же ее окликну.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что этот проигрыш для Сашки большое несчастье. И чтобы как-то его успокоить, кивнул в спину удаляющейся Наташки и сказал: «Вот привязалась!» — но не рассчитал и произнес эти слова слишком громко.

Наташка услышала и, не веря своим ушам, оглянулась. Глаза у нее снова из пятак превратились в воздушные шары. Два голубых воздушных шара.

Может быть, она с таким предательством никогда не сталкивалась.

Только что были верными друзьями, рассказывали друг другу биографии, ели мороженое, смеялись — и на тебе!

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол! Я догнал ее и сказал:

— Спокойно. Я здесь.

Она радостно схватила меня за руку, прижалась и ответила:

— А я с тобой, Боря, даже собак не боюсь.

Вот здорово! Значит, она не обиделась. Действительно, чего на меня обижаться? Подумаешь, что-то не так сказал. Важно, что сделал.

— Портфель забыл! — крикнул Сашка.

Я повернулся и побежал за портфелем. Когда я подбежал, он расшнуровывал мяч. Я ждал, что он мне еще скажет, а он нахально выпустил воздух из камеры мне в лицо и сказал:

— Воспитатель! — взял портфель и удалился.

— Да ты не волнуйся, — жалким голосом крикнул я ему вслед, — мы их обыграем!

Он не откликнулся.

— Спасибо за портфель, — не сдавался я.

Вот что меня губит, так это жалость и то, что я эмоциональный человек: не раздумывая совершаю разные поступки. Мне бы сейчас надо было перетерпеть, не бросаться Наташке на помощь, а я не выдержал.

А ведь мне Сашка дороже, чем она. У нас одна жизнь, одни идеалы. Нам вместе жить да жить. А эта пигалица уже стояла опять около меня. Треснуть ее, что ли, по макушке, чтобы отделаться раз и навсегда? Я поднял руку для щелчка, но снова натолкнулся на ее доверчивые, прямодушные глаза и, вместо того чтобы ударить, обнял за плечи.

*

В этот день я прибежал в школу раньше обычного. В портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу в отставку с высокого поста вожатого, поскольку это мешает моей личной жизни.

И действительно, эти первоклассники одолели меня окончательно. Они мне не дают ни вздохнуть, ни охнуть. Вчера, например, притащился Толя. Лицо серьезное, глаза жалостные. А мы в классе были вдвоем с Сашкой. Сидели на парте и тихо обсуждали проблему Насти.

Дело в том, что накануне Настя и я совершили незабываемую прогулку. Мы бродили по улицам, сидели на скамейке на бульваре, плевали с Крымского моста в воду, за что были обруганы прохожими «верблюдами», выпили две бутылки лимонада и съели по три эскимо.

Правда, мне это дорого обошлось, я истратил еще один папин рубль,

но зато было весело.

Теперь придется купить маме подарок поскромнее. В конце концов, дело не в дорогом подарке, а во внимании.

А Сашка, когда узнал о нашей прогулке, покрылся страшной бледностью мертвеца. Эта бледность так долго держалась у него на лице, что я испугался за его здоровье. Вот ревнивец!

Но я открытый человек и не стал скрывать от Сашки свои истинные намерения, а предложил ему начать генеральную битву за Настю. Мы решили оба за ней ухаживать под покровом полнейшей тайны — это было непременно Сашкино условие, — пока она не полюбит кого-нибудь из нас. Побезденный гордо удалится.

Ну вот, сидим мы, значит, и шепчемся о Насте, и вдруг входит Толя. А Сашка как раз спрашивал меня во всех подробностях о нашей прогулке, ему интересно. И поэтому он когда увидел Толю, то закричал на него. А я вскочил на подоконник и стал открывать форточку, будто бы чтобы проветрить класс.

Я подумал: может быть, Сашка его выгонит, но уже через секунду почувствовал, как кто-то тянет мою штанину. Ах, так? Ну пожалуйста! Я спрыгнул с подоконника, вытащил заявление и поднес к Толиному носу. Он мне ответил, что такие буквы читать не умеет. Тогда я ему объяснил, что не буду больше у них вожатым, потому что это мешает моей личной жизни.

Он это выслушал, но не ушел. Стоял, как-то странно сжавшись, засунув руки глубоко в карманы.

— Ну, что тебе? — спросил я.

— По секрету, — тихо ответил Толя.

Я нагнулся к нему, меня опять подвела жалость, и он, прижав губы к моему уху, прошептал свой секрет. Оказалось, он не умеет сам застегивать брюки. Я же говорю, с ума сойти можно от этих младенцев! Хотел ему тут же застегнуть брюки, но он кивнул на Сашку.

— Сашка, — попросил я, — выйди на минутку.

Сашка долго кривлялся и не хотел выходить, а потом вышел и, видно, рассказал нашим ребятам, потому что именно в тот момент, когда я застегивал Толе брюки, появилась Настя.

— Боже, — пропела она, — какая трогательная картина! Збандуто, ты просто создан для работы в яслях.

Я вскочил и стал подталкивать Толю к выходу, а он, наивная душа, решил мне помочь и сказал Насте:

— Там петельки маленькие. У меня ничего не получается.

Вот тут уж начался хохот.

Между прочим, во время нашей прогулки с Настей выяснилось, что она, как и Сашка, считает, что нет в мире более скучного занятия, чем

возиться с первоклассниками. Мне это показалось странным: ведь когда меня назначали вожатым, она говорила противоположное. Оказалось, тогда она шутила! А я на эту шутку клюнул и теперь жестоко расплачивался.

В общем, только я отделался от Толи и показал Насте свое заявление и она меня похвалила и сказала, что я решительный человек, как прибежала Зина Стрельцова, тоже, естественно, первоклассница, с криком, что Генка Костиков убивает Гогу Бунятова и вот-вот выбросит его в окно.

Ну, конечно, я понимал, что ничего страшного в этом нет, когда мальчишки дерутся, и даже если какой-то Генка выбросит какого-то Гогу из окна, тоже ничего не случится — они ведь учатся на первом этаже.

Но потом я почему-то не вытерпел и незаметно выскользнул из класса, чтобы Сашка и Настя не догадались.

И представьте, не зря. Когда я прибежал в первый «А», то Генка Костиков на виду у всех продолжал дубасить неуклюжего толстяка Гогу Бунятова. Тот, видите ли, обозвал Генку «дворником», потому что он помогал матери подметать улицу.

По-моему, Генка лупил его за дело, и поэтому я растащил их не сразу, а когда Гога стал уж очень вопить.

— Что же ты? — сказал я Гоге. — Разве не знаешь, что все люди равны?

— Знаю, — ответил Гога. — Он первый начал дразниться «толстяком» и хлопнул меня по животу. А я крикнул на него без злобы, а он стал меня дубасить.

Тут мои воспоминания были прерваны, потому что в пионерскую комнату, в которой я сидел и ждал Нину, чтобы вручить ей заявление об отставке, вошла Наташка.

Я подскочил на стуле и сказал себе: «Осторожно, преследование продолжается». Тем более, что за Наташкой бочком протиснулись Толя и Гога.

— Привет! — изображая радость, сказал я.

Они недружно ответили. Конечно, они пришли из-за меня к Нине, а тут я, собственной персоной.

— Ты Нину ждешь? — спросила находчивая Наташка.

— Нину, — ответил я. — А что?

— Ничего, — ответила Наташка. А у самой голос задрожал, но она все же нашла в себе мужество сознаться: — И мы к Нине.

Они стояли рядком, напротив меня, и не знали, что делать.

— Садись, — сказал я. — Будем ждать вместе.

— Конечно, — сказал Толя. — Вместе всегда веселей. — И взгромоздился на стул.

Наташка с Гогой тоже сели.

Помолчали.

Они за мной следили исподтишка, но я все прекрасно видел: как они переглядывались, как ободряли друг друга, как подталкивали для беседы.

— А у меня зуб больше не болит, — сказал Гога.

Дело в том, что я его вчера водил к зубному врачу. У них там дома все были заняты. Я хотел спросить у Гоги, отчего это он так вопил у врача, потом решил, что при всех не стоит.

— Боря, а как ты думаешь, Нина скоро придет? — спросила Наташка. — А то я сегодня дежурная.

— Не знаю, — ответил я.

Я стал их рассматривать, и под моим взглядом они перестали подталкивать друг друга — сидели не шевелясь. До чего же у них были смешные лица! Нет, правда. Вы когда-нибудь попробуйте, всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице.

— Боря, а может быть, ты передумал?

— Ничего я не передумал, — ответил я.

А сам действительно испугался, что могу передумать, и стал себя растравлять и вспоминать, как я из-за них был неоднократно унижен. Они из меня сделали няньку: и брюки я им застегивал, и к зубному врачу водил. А вчера еще в добавление ко всему пришлось зашивать Наташке платье: она его разодрала на одном месте, села на гвоздь.

Тут я почувствовал, что погибаю, ибо все эти воспоминания не вызывали во мне ни протеста, ни негодования. Я вскочил, чтобы обратиться в бегство, но Наташка, хитрая душа, все поняла и тоже вскочила.

— Ты куда? — спросила она и загородила мне дорогу.

В это время, на мое счастье, в комнату вошла Нина, и я протянул ей заявление. Все произошло в одну секунду, никто не успел опомниться, а Нина уже держала заявление в руке и читала.

— Так, — сказала она. — А вы чего, ребята?

Они промолчали.

— Ах, да, — сказала Нина, она их узнала. — Идите, идите. Я сама разберусь. — Проводила до дверей и вернулась ко мне: — Так. Значит, работа водителя мешает твоей личной жизни?

— Интересы у меня совсем другие, — ответил я.

— Знаю я твои интересы: в футбол гонять вместе со Смолиным.

— Неправда, — возразил я. — Мы в кино ходим, и книги читаем, и всякое прочее.

— Они сюда пришли из-за тебя, — сказала она, — а ты «всякое прочее», «мешают личной жизни»! Ты вот за все это время ничего для них не придумал.

— Почему? — возразил я. — Я придумал. Надо отвести их в автоматическую фотографию.

— Зачем? — Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

— Они там сфотографируются, а потом эти снимки можно будет наклеить в толстую тетрадь. Ты передай это новому водителю, — великодушно предложил я, — пусть он их отведет.

— А зачем? — снова спросила Нина.

Кажется, произошла осечка. Она ничего не поняла.

— Фотография ведь автоматическая, работает без фотографа. Детям будет интересно: можно любые рожи корчить.

— Знаешь, Збандуто, хорошо, что ты подал заявление, — сказала Нина. — Нет в тебе гармонии. И выдумки твои нелепые.

— Так ведь они люди двадцать первого века, — сказал я. — Им технику и автоматику подавай.

Она не ответила, видно, забыла про меня. Склонилась над листом бумаги и чертила мужское лицо с бородкой.

— Так я пойду, — сказал я.

— А, это ты, — спохватилась она. — Ну ладно, найдем тебе замену.

А после уроков, когда мы с Сашкой заскочили в раздевалку за куртками, произошло новое событие. К Насте, которая прихорашивалась около зеркала, подошла Наташка. Я первый ее заметил и остановил Сашку. Мы спрятались между пальто. И вот тут-то и услышали этот странный разговор.

— Ты чего, малышка? — спросила Настя у Наташки.

— Мне с вами поговорить надо, — ответила Наташка.

— О чем? — спросила Настя. — Пожалуйста. — А сама продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

— Вы слышали, от нас Боря уходит? — произнесла Наташка, как будто это какое-то космическое событие.

— Ну и что? — спросила Настя.

— А вы скажите ему, чтобы он не уходил, — попросила Наташка.

— Ты думаешь, он меня послушает?

— Вы на него имеете влияние, — сказала Наташка.

— Почему? — удивилась Настя и посмотрела в мою сторону.

Она говорила все время громко и играла в такую наивную-наивную девочку.

— Вы красивая, — сказала Наташка. — А красивые на всех имеют влияние!

Последние слова Наташки, видно, понравились Насте, потому что она ответила:

— Хорошо... Я ему передам. Так что спи спокойно, малышка.

— Спасибо, — сказала Наташка и выбежала.

Мы вышли из раздевалки.

Настя уже сидела в вестибюле, нога на ногу, в нетерпеливом ожидании.

— Ну, пошли! — сказала она, вставая.

— Есть предложение поехать на Ленинские горы! — заорал Сашка.

А я вдруг, сам не знаю почему, бросил портфель на стул и крикнул:

— Подождите! Сейчас!

Стремительно взбежал я по лестнице, влетел в пустой первый «А», подошел к доске и написал:

*ЗАВТРА ПОСЛЕ УРОКОВ
ИДЕМ ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ.*

Борис.

И повернулся, чтобы бежать вниз, к Насте и Сашке, но вместо этого прошелся между партами.

На полу валялась ленточка, какая-то девчонка обронила. Поднял эту ленточку. Постоял. Мне здесь было хорошо. И все нравилось: и маленькие парты, и неумелые рисунки на доске, и эта ленточка, которую я держал в руке.

— Ну вот я и вернулся, — тихо сказал я.

Подошел к парте, за которой «сидел» Толя.

— Как сидишь! — закричал я на него. — Опять сгорбился? Нехорошо. — И «стукнул» его по спине.

Тишина пустого класса не смущала меня. Я снова шагнул между партами, пристально «вглядываясь» в лица ребят.

— А ты чего плачешь? — спросил я Зину Стрельцову. — Кляксы посадила? Не страшно. Все мы с этого начинали.

Подскочил к Генке:

— Срам! Ты же будущий космонавт, а в носу ковыряешь!

Тут я заметил Гогу Бунятова:

— А ты! Не стыдно? Ты достоин презрения! Дразнить товарища за то, что он вместе с матерью подметает улицу! Ты что, не знаешь, что «мамы разные нужны, мамы всякие важны»? Да, по-моему, вы без меня пропадете. Сколько еще у вас недостатков! Решено, я остаюсь навсегда!..

Когда я спустился в вестибюль, Насти и Сашки не было. На стуле одиноко лежал мой портфель.

А на следующий день я снова прибежал в школу раньше всех, чтобы Нина не успела назначить к моим первоклассникам нового вожатого. Выхватил у нее обратно заявление и на радостях влетел в класс, размышляя

о том, как поведу детей фотографироваться.

В классе в полном одиночестве сидела Настя. От неожиданности я замер. А она встала мне навстречу. Помню, я еще успел подумать: «Да, ревнивец Сашка, проспал ты свое счастье». И точно, она пригласила меня пойти после школы в кино. А я молчал и чувствовал, что бледнею, бледнею, как Сашка во время припадка ревности, потому что знал, что должен ей отказать.

— Чего же ты молчишь? — спросила она.

— Я веду своих ребят фотографироваться.

— Подумаешь! — сказала она. — В другой раз сводишь. Обещанного три года ждут.

— Не могу, — твердо ответил я и еще больше побледнел.

— Ох, надоел ты мне со своим детским садом! — сказала она.

...Когда я выводил ребят из школы, то увидел Сашку и Настю, шагающих впереди нас. И они увидели нас и остановились. А ребята галдели, как десять тысяч воробьев, и не замечали ни Сашки, ни Насти.

Я сделал вид, что не вижу их, но Настя помахала мне:

— Мы в кино.

— Попутного ветра Гулливеро в сопровождении Лилипуто! — крикнул самодовольный Сашка и захохотал.

Конечно, со стороны мы представляли довольно смешную картину: я долговязый, рост сто шестьдесят, а детишки мне по пояс. Но представьте, Сашкины слова меня нисколько не задели. Я привык, что он не разбирается в средствах борьбы. То он мне вылил за шиворот полграфина воды, то на истории нарочно подсказал неправильную дату. А сегодня вообще где-то раздобыл старый ночной горшок и поставил мне. Я не заметил и сел. Все давились от смеха, а я обиделся на Сашку, чуть не заревел и, чтобы скрыть это, стал паясничать и напялил себе этот горшок на голову, за что был выгнан с урока.

Я благородный человек и не мстительный, я не обижаюсь на Сашку за то, что он все время пытается меня унижить. Я все равно люблю Сашку, он мой лучший друг. Может, и он когда-нибудь поймет это.

Зато малыши, когда увидели Сашку и Настю, поутихли и затаились. Догадливые. А Наташка спросила:

— Боря, может быть, ты пойдешь в кино? Мы можем сфотографироваться завтра.

Я ей ничего не ответил, только весело подмигнул. А ее глаза сначала превратились в пятаки, потом в воздушные шары, а потом... Нет, вы только представьте — она тоже подмигнула мне! Ну и девчонка, соль с перцем!

А потом началось настоящее веселье. Действительно, автоматическая фотография великолепная вещь!

Генка, отчаянная голова, снялся с оскаленными зубами. Толя прилепил к подбородку обрывок газеты. Зина Стрельцова высунула язык.

Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знаю: если смешно, тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

— Сейчас пойдем есть мороженое. Из стаканчиков.

— Ура! Ура! — закричали все.

— А мне мороженого нельзя, — сказал Толя, — я болел ангиной.

— Жаль, — ответил я.

У Толи сразу испортилось настроение. Это было заметно.

— Ну что ж, полная солидарность: мороженое есть не будем. Купим пирожки с повидлом.

— А что такое «полная солидарность»? — спросил Гога.

— Это когда один за всех и все за одного, — сказал я.

— Полная солидарность! — обрадовался Толя.

И все малыши дружно закричали:

— Полная солидарность, полная солидарность!

А когда стали покупать пирожки, я увидел, что Генка и еще несколько ребят отошли в сторону и стали внимательно рассматривать на витрине тульские самовары. Точно их с самого рождения интересовали только самовары и всякие там узоры на них.

Ясно: у них не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежал остаток от известной десятки. И я принял единственно верное решение. Вытащил из кармана рубль, подошел к продавщице пирожков, купил десять штук и сказал ребятам, этим любителям самоваров:

— А ну, налетайте!

Они отвернулись, как будто не поняли, такие гордые оказались.

— Ребята! — повторил я. — Ну, чего же вы? Налетайте!

Сначала подошел Генка и вроде нехотя взял пирожок. За ним потянулись остальные. Каждому ведь хотелось съесть пирожок. Последний я взял себе.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь. Она стала как живая. Интересно было ее перелистывать...

Скандал получился неожиданный и грандиозный. Меня вдруг решили с треском снять с должности вожакого.

Как-то после уроков прибежала взволнованная Нина и сказала, чтобы я больше не смел ходить к первоклашкам. Она отошла к учительскому столу и крикнула мне оттуда:

— Ты слышал, я тебе это категорически запрещаю!

— А мы сегодня идем в цирк, — сказал я.

— Никаких цирков! — сказала Нина и погрозила мне пальцем.

— Недолго ты царствовал, — сказал Сашка.

Все, конечно, заахали и заохали и стали ко мне приставать с расспросами, но, честное слово, я сам не знал ничего. Тогда они привязались к Нине, и она ответила, что сейчас они узнают и закачаются, такой я тип.

Нина рассказала про все мои дела, перечисляя их долго, подробно и противно. И добавила, что я влияю дурно на детей, сею между ними вражду и смуту.

Это потому, что я сказал одной девчонке, что нехорошо ябедничать, а она спросила меня, что это такое, а я ей объяснил, и теперь ее все дразнят ябедой.

Тут я не выдержал, прервал плавную речь Нины и крикнул:

— Зато она больше не ябедничает. Успех достигнут!

Но она не обратила на мои слова никакого внимания и заявила, что совет дружины отстранил меня от должности вожакого...

В этот момент открылась классная дверь, и в проеме появилась секретарь директора, сама Розалия Семеновна, которую вся школа зовет «Чайная Роза», хотя, конечно, никто из наших ребят никогда не удостаивался ее взгляда. Ну, когда она появилась в дверях, Нина сразу забыла, что еще там решил про меня совет дружины, и уставилась на Чайную Розу.

— Кто здесь Збандуто? — Она даже не переврала мою фамилию.

— Я.

— К директору. И вы, Нина, тоже.

Она не ушла, а продолжала стоять в дверях, пока я собирался. Никто мне ничего не сказал вслед и никто не сострил, потому что все поняли: дела мои плохи.

На всякий случай я захватил с собой тетрадь с фотографиями — как ни плохи дела, а терять самообладание нельзя — и прошмыгнул мимо Чайной Розы летучей мышью; ни одна складка на ее платье не дрогнула.

Нина прошла к директору, а я остался ждать в секретарской вместе с Чайной Розой.

Странно, но у меня в жизни почему-то все получается наоборот. Когда

я хотел уйти от первоклашек, когда они мне были безразличны, меня не отпускали, но как только мы по-настоящему подружились — на тебе!

А дело было ерундовое.

Генка подсунул Гоге живую ящерицу. Гога перекинул ее Наташке, а Наташка подбросила в парту Стрельцовой. Та сунула руку в парту, натолкнулась на ящерицу и как завопит: «Спасите, спасите! У меня в парте мышь! Она меня укусила!»

Ну, учительница влезла в парту, достала ящерицу и отнесла в ботанический кабинет.

И ничего страшного не произошло бы, если бы не я!

Когда Наташка рассказала мне об этом случае, я возмутился и заявил, что мне надоела их трусость, что пора это преодолеть. А то одни боятся собак, другие — ящериц, третьи ни у кого ничего не могут спросить. Это не ребята, а какое-то сборище трусов! И я решил их перевоспитать. Пригласил к себе, когда мамы не было дома, и устроил тренировку по закаливанию нервной системы.

Они сидели в одной комнате, а в другой был погашен свет. Там было темным-темно. Я сказал, что буду магом, волшебником и великим врачомателем, который их спасет навсегда от трусости и дрожания. Я ушел в темную комнату и стал их по очереди вызывать.

Каждый из них должен был войти в темную комнату и пробыть там несколько минут, а я в это время издавал ужасные стоны и вопли (я для этого специально прослушал пластинку Имы Сумак).

Значит, я так кричал, а сам подходил к жертве и прикладывал ей к руке или к лицу какой-нибудь предмет: ложку или щетку.

Это называется «психотерапия». Между прочим, вполне научный метод. Если жертва выдерживала все испытания, то я радостно объявлял ей, что она теперь никогда и ничего не будет бояться: ни собак, ни кошек, ни ящериц, ни темных улиц, и так далее, и так далее.

В общем, все шло хорошо, и вдруг Зина Стрельцова, войдя в темную комнату, не выдержала и завопила. Она пустилась наутек, грохнулась и разбила себе колено.

Ну, я, конечно, зажег свет, и мы стали дружно ее успокаивать и доуспокаивали до того, что она согласилась повторить опыт, точнее, не согласилась, а сама попросила и выдержала его достойно.

Но потом Зина пришла домой и рассказала все матери. А та еле дождалась утра, прилетела к нашему директору и стала кричать, что она забирает своего ребенка из класса, где появился какой-то ненормальный вожатый, который хочет из детей сделать инвалидов.

Ну, директор не заступился за меня, потому что мы с ним не были знакомы. А жаль, я бы ему объяснил, в чем дело. А он просто пригласил

Нину, и Стрельцова-старшая при ней повторила всю историю и добавила нехстати еще две другие.

Эти истории случились в самом начале, когда я был еще неопытным вожатым и часто терял над собой контроль, увлекаясь чем-нибудь.

Я тогда ходил по домам первоклассников, чтобы поближе познакомиться с их жизнью. Мне нравилось так ходить: везде мне были рады, угощали обедами, советовались, как лучше воспитывать детей, рассказывали про свою жизнь. И вот как-то я пришел к Толе. Он был один дома и угостил меня чаем.

Мы пили чай из красивых золотых чашек, только Толя пил из маленькой чашки, а я из большой.

Ну, я и разбил свою чашку — зацепил как-то неловко и уронил на пол. Я не придавал этому большого значения — кто из нас не бил чашек! — и не понял, почему Толя так испугался. Я решил, что он просто пугливый. А на самом деле все оказалось не так просто.

Толя из большого уважения ко мне угощал меня чаем из папиных коллекционных чашек. А я-то ничего не знал и, когда уходил, осколки эти унес. Хотел выбросить, только на одном осколке был нарисован красивый замок, так что я все осколки выбросил, а замок оставил.

А Толя дома чашки так переставил, чтобы не видно было исчезновения одной из них. Но Толин папа все-таки заметил, схватил Толю и с криком: «Что ты наделал, негодник!» — стал его так трясти, что Толина мама испугалась, что он отрясет у Толи голову, и вырвала сына из рук мужа. Тогда Толин папа упал на диван и перестал со всеми разговаривать, потом вскочил, схватил Толю и приволок ко мне.

Он совершенно обезумел и хотел узнать, куда я выбросил осколки его любимой чашки.

Я сначала не мог понять, как это из-за чашки так можно страдать.

«Я вам куплю сто таких чашек», — сказал я ему.

И что же вы думаете? После моих слов он сразу успокоился. Посмотрел на меня унылым взглядом, покачал растрепанной головой и произнес с жалостью:

«Невежда, глупец! Не обижайся на меня, я не хочу тебя оскорбить, я просто говорю тебе, кто ты есть на самом деле. Ты купишь сто таких чашек?! А знаешь ли ты, несчастный, что их всего было сделано в восемнадцатом веке пять штук. Пять штук! Одна хранится в музее в Ленинграде, вторая — у двоюродной праправнучки самого Ломоносова, — голос его звучал трагически тихо, — третья вывезена за границу беглым лакеем князя Юсупова и продана там банкиру Ротшильду, четвертая пропала без вести, а пятая была у меня. И об этом знает весь мир!»

Совершенно потрясенный я достал осколок чашки с изображением

дворца и протянул ему. Он взял, поблагодарил меня — какой благородный человек! — и ушел.

Эта история очень взбудоражила Стрельцову-мамашу, потому что она вообще относилась ко мне подозрительно, с тех пор как я посетил их дом. А сначала она была мне рада.

Однажды трое взрослых Стрельцовых — бабушка и родители — собирались в кино и боялись оставлять Зину одну дома. А тут я пришел, и они спокойно ушли.

Зина тут же позвонила Наташке и Толе, и они прибежали.

Нам было весело, они мне всякие истории рассказывали, главным образом про маленьких детей, а это всегда смешно, и анекдоты. Про мальчишку, который захотел на улице по-маленькому и подошел к милиционеру, чтобы спросить, где найти уборную. А милиционер долго-долго ему рассказывал, и вдруг мальчишка прервал его и сказал: «Спасибо, уже не надо». Ох, и хохотали они! Я думал, они от хохота лопнут.

Потом Зина зачем-то напялила на себя мамину юбку, такую желтую-желтую, и красовалась перед Наташкой. А Толя в это время хлопал мячом об пол.

На беду, Зинина бабушка не признает современных шариковых ручек и пишет письма химическими чернилами, и ее пузатая старомодная чернильница стояла на столе. Ну, в общем, Толя хлопал об пол, пока не перевернул чернильницу.

Но самое главное не в этом, не в том, что он перевернул чернильницу и залил всю клеенку чернилами... Нет, самое главное началось потом, когда мы обнаружили на прекрасной юбке Зининой мамы чернильное пятно с горошину.

Вот тут-то и началась паника. Ну скажите, как на моем месте поступил бы каждый взрослый человек, когда видит неопытных детей, да еще своих воспитанников, в страхе и ужасе? Конечно, постарался бы им помочь. Точно так поступил и я.

По моему предложению мы решили перекрасить юбку в другой цвет, чтобы скрыть чернильное пятно, с одной стороны, и сделать Зининой маме сюрприз — с другой. Ведь у нее фактически должна была появиться новая юбка!

Ребята были в восторге от моего предложения. Они никогда в жизни ничего не красили. Наташка визжала, Толя прыгал, как гуттаперчевый мальчик.

Да, это был полный восторг, полное взаимопонимание и дружба. Правда, меньше всех восторгалась Зина, потому что юбка принадлежала ее маме.

Мы перекрасили юбку в вишневый цвет — пятно стало золотистым.

Мы перекрасили ее в коричневый — пятно стало черным. Вот что значит пользоваться старыми чернилами: их даже краска не берет. Тогда я предложил для симметрии поставить на юбке несколько горошин, но Зина почему-то отказалась.

С той поры наши отношения со Стрельцовой-старшей осложнились. Она отчитала меня по телефону, пожаловалась моей маме. А теперь прибежала к директору.

Вот тут-то директор и вызвал Нину для разговора.

Нина попробовала меня защитить, но Стрельцова-старшая все твердила: «Он ненормальный, он ненормальный». Тут, правда, директор ее оборвал: «Может быть, он в вожатые не годится, но он совершенно нормальный», — и попросил Нину принести ему наш классный журнал, чтобы доказать Стрельцовой, насколько я нормальный: дескать, я вам сейчас покажу, как он учится.

А накануне я сразу в один день получил пять двоек. Я узнал, что Насте Монаховой поручено подтягивать отстающих. Вот я и решил превратиться в отстающего, чтобы она меня подтягивала. Если бы я получил одну двойку или две, это могло бы не произвести впечатления, поэтому я и получил сразу пять двоек.

Думаете, это легко? Целый день я был в страшном напряжении: во-первых, боялся, что меня не вызовут, а во-вторых, что вместо двойки какой-нибудь сердобольный учитель вlepит мне тройку. Никто, разумеется, не догадался, кроме Сашки, куда я клоню, но, когда наша классная заявила, что я теперь буду заниматься с Настей как самый отстающий, он вновь покрылся бледностью мертвеца.

При этом Сашка сказал, что, хотя у него двоек нет, он будет вместе со мной ходить на занятия к Насте, чтобы у нас были равные условия для борьбы.

Так вот, значит, когда директор увидел, что у меня пять двоек, он возмутился: «Где вы нашли такого шалопа? (Шалопа — это я.) Неужели нельзя было подобрать в вожатые хороших, смысленных ребят, у которых есть чувство ответственности?» И тут он, как рассказывала потом Нина, схватился за голову и простонал: «Постойте, постойте... Збандуто?! Мы же получили на него письмо из милиции!» Он вызвал Чайную Розу, и она принесла это письмо.

Дело в том, что меня вывели со скандалом из бассейна. Я там был на соревнованиях и засвистел в два пальца.

Рядом оказался милиционер — они всегда появляются рядом в неподходящее время, — тyп меня за плечо. Я возмутился, стал брыкаться и кричать. Он меня вывел и еще не поленился настрочить письмо в школу.

А почему я засвистел, он не попытался узнать. Вы заметили, во всей

этой истории никто не посмотрел в корень. Я бы никогда, вы слышите, никогда не стал бы свистеть просто так. У меня для этого были веские основания.

На соревнованиях выступал один пловец, которого мне необходимо было освистать, чтобы выразить свое отношение к нему.

Все началось с того, что я решил сделать из своих первоклассников пловцов. Ну, во-первых, потому, что их надо было закалять физически, а то у них вечные ангины и гриппы, во-вторых, этим видом спорта можно заниматься с детства, а в-третьих, всем известно, что с плаванием у нас в стране не все в порядке.

Кто знает, думал я, может быть, из этих детей вырастут рекордсмены страны или мира!

Вот почему мы попали в бассейн. Нас сначала туда не пускали, и я вынужден был долго кричать, что я вожатый и мы не позволим срывать общественное мероприятие. И тут появился этот впоследствии освистанный мною пловец и велел нас пропустить. Он привел нас в раздевалку и приказал раздеться и выстроиться по росту. Дети, конечно, запищали и захихикали. А он их так резко оборвал: «Быстро. У меня нет времени».

Как будто только у него нет времени! Сейчас у всех нет свободного времени. У меня его тоже нет ни секунды, но я ведь об этом не кричу и никого не пугаю голосом. Я вот пришел в бассейн, а в это время Сашка, может быть, прогуливается с Настей и тем самым губит мою личную жизнь.

Пришлось мне самому раздеться, чтобы показать пример, да еще им помочь, потому что эти дети, эти несчастные малыши, и раздеваться-то еще как следует не умеют. То они запутывались в собственных платьях, то, снимая чулки, грохались на пол. В общем, повозился я с ними.

Я так подробно обо всем рассказываю, чтобы вы поняли, что я действительно ни в чем не виноват, более того — я просто боролся за справедливость. Если хотите, я обязан был это сделать в воспитательных целях, ради детей, которые сидели рядом со мной и знали, какой несправедливый человек этот пловец. И они меня дружно поддержали.

Они разделись, сбились стайкой около меня и дрожали. Холодно им и непривычно. Смешные они: худенькие, тоненькие, ноги длинные, спичками. Как они на них ходят, непонятно.

Я улыбнулся тренеру (еще тогда не знал, что он такой зверь) и подмигнул: смотрите, мол, какие смешные дети, настоящие страусята.

А он в ответ мрачно заорал: «Построились по росту! Живо!» Вот тут контакт между нами окончательно был утерян. Не люблю я, когда кричат и когда не улыбаются в ответ на твою улыбку.

После того как мы выстроились, он сказал мне: «Выходи из строя. Староват для плавания. И грудная клетка узковата». Он больно щелкнул меня пальцем по ключице.

Я чуть не упал от неожиданности. Сказать такое при детях!

«Что вы! — возмутилась Наташка. — Боря у нас лучший вратарь в школе!»

А он продолжал осмотр: измерял малышам грудную клетку, ощупывал ноги и руки. Потом заявил, что из всей компании берет только одну девочку: Зину Стрельцову.

Тут я не выдержал и высказал ему все, что было на душе. Я ему сказал, что дело у них поставлено плохо. А когда он меня спросил: «Почему плохо?», я ему ответил: «На международных состязаниях проигрываете, а когда к вам приходит пополнение в самом расцвете, то выгоняете». После этого наступила тишина, и он сделал шаг в мою сторону. Но нас так легко не испугаешь. Малыши создали вокруг меня надежный заслон. Попробуй прорвись через них. Так он ничего мне и не ответил. А что ответишь, когда это чистейшая правда.

Вот после этого разговора мы и остались на показательные соревнования, и я прославился на них своим свистом, и меня схватил милиционер.

Кругом закричали: «Безобразие, хулиган! Еще школьник, а уже шпана... И такому детей доверили!»

Только одна женщина, между прочим красивая, сказала: «А что он такое сделал? Просто погорячился».

Но милиционер не стал ее слушать и уволок меня в отделение.

В этот момент мои славные воспоминания были прерваны неожиданным событием: дверь в канцелярию открылась, и на пороге появилась целая стая моих первоклашек.

Не успел я выставить их обратно, как Наташка, минуя меня, вырвалась вперед. Я схватил ее за шиворот, но она торопливо, задыхаясь, успела прохрипеть:

— Здравствуйте, Чайная Роза!

От такого неожиданного обращения я выпустил Наташку. Она, конечно, это наивное дитя двадцать первого века, не догадывалась, что Чайная Роза не имя, а прозвище.

— Сейчас же уходите! — прошипел я, не разжимая губ и наступая на детей.

— В чем дело? — строго спросила Чайная Роза. — Что случилось?

— Нам нужно к товарищу директору, — сказала Наташка и шагнула через порог.

Все остальные тоже решительно шагнули за ней, молча, тихо,

подталкивая друг друга.

Вы бы видели их лица! Это были настоящие герои, отчаянные люди с горящими глазами. Им ничего не было страшно, они не испугались даже Чайной Розы, хотя перед нею трепетала вся школа. Они спокойно выдержали ее взгляд. Нет, не зря я занимался с ними психотерапией.

И что же вы думаете? Эта строгая-престрогая Чайная Роза провела их к директору.

Она оставила открытой дверь, и я на всю жизнь запомнил начало этого великого, неповторимого разговора.

— Ну, в чем дело? — услышал я скрипучий мужской голос.

Это был, конечно, директор, это был его голос, который любого храбреца в одну секунду превращал в кроткую овечку. Ну, конечно, и среди детей сразу произошла заминка, и я уже испугался, что их сейчас выставят обратно, но тут раздался громкий, заливисто-звонкий голос Наташки:

— Мы пришли из-за Бори Збандуто. Он наш вожатый. Мы пришли его защищать.

Правда она молодец? Я еще никогда не встречал такой отчаянной девчонки.

— Это он вас прислал? — спросил директор.

«Он» — это, значит, я.

— Нет, — ответила Наташка.

— А ты не врешь?

Вот этого ему не надо было говорить, это он сказал зря. Плохо он разбирался в своих учениках: Наташку обозвать вруньей!

— Я никогда не вру, — сказала Наташка.

Наступила длинная пауза, во время которой директор долго кашлял. Потом он наконец собрался с силами и спросил:

— А чем вы его собираетесь защищать, хотел бы я знать? Какими делами он себя еще прославил?

— У нас есть козырь, — ответила Наташка.

— Какой еще козырь?

— Он спас жизнь одному мальчику. На моих глазах. Вытащил его из реки.

В это время Чайная Роза вышла из кабинета, плотно прикрыла дверь, и голоса пропали. Точно она не хотела, чтобы я услышал, как меня будут хвалить.

Все-таки Наташка потрясающая девица. Она буквально во все верила. Подумать только — я спас мальчишку!

Это произошло во время нашей совместной прогулки, помните, в тот день, когда она ко мне пристала и увела с футбола.

Какой-то мальчишка в полном одиночестве стоял на берегу реки и

бросал в воду камни. И меня это пронзило. С какой стати, думаю, он стоит один? Я пристроился к нему и тоже стал бросать камни. Я брошу. Он бросит. Мы стояли рядом, а наши камни летели параллельно.

А Наташка крикнула: «А мы дальше, а мы сильнее!»

Мальчишка был забавный. Он пренебрежительно фыркнул, выбрал камень потяжелее, отошел от кромки воды — а там набережная была высотой в метр, — разбежался... и, не удержавшись, плюхнулся в воду.

Я помог ему выйти, там было неглубоко, мне по колено, а ему по пояс. Только промокли, и все. А Наташка начала кричать, что я храбрый, что она ни разу в жизни не встречала такого храбреца, и еще успела шепнуть мальчишке, что я их вожатый. Вот и все спасение утопающего.

Странно, до чего я люблю вспоминать про этих мальчишек и девчонок, я про них всегда все помню. Может быть, действительно права Стрельцова-старшая и я какой-нибудь ненормальный?

Как только первоклашки вышли от директора, тут же позвали меня. Мы встретились с ними в дверях. Они прошли мимо серьезные, сосредоточенные, и каждый из них дотронулся до моей руки. В общем, они знали толк в человеческой поддержке и подзарядили меня теплотой своих рук.

Я же говорю, что они необыкновенные дети, из двадцать первого века. В них есть какая-то новая сила.

В кабинете директора, кроме Нины, сидела моя мама! Вот до чего дошло. Но им теперь уже было не свалить меня.

Я остановился у двери и посмотрел на директора. Он был похож на моржа. У него большая круглая лысая голова и седые усы.

— Ну-ка, подойди, подойди, — проскрипел он.

Я сделал несколько шагов вперед.

— Еще поближе. Я хочу понять, что ты за птица.

Он долго рассматривал меня, как какой-нибудь врач, изучающий больного. Даже взял за плечо и крепко его сдвинул.

— А что это у тебя в руке? — спросил он и, не дожидаясь ответа, взял у меня тетрадь и стал ее перелистывать.

Видно, она ему понравилась, потому что он поджимал губы, чтобы незаметно было, что он смеется. Затем вернул мне тетрадь и сказал:

— Говорят, за тебя поручилась твоя родственница, Ольга Александровна Воскресенская. Она, конечно, восторженная особа, я ее давно знаю. — Потом повернулся к Нине и добавил неожиданно: — Ладно, пусть остается, раз они пришли за ним сами.

Но на этом события дня не закончились. Мне пришлось встретиться со Стрельцовой-старшей еще раз.

Мы собрались возле школы, чтобы идти в цирк. А Генка и Зина

почему-то не явились. Холодно было ждать. Шел первый мокрый снег.

— Зина не придет, — сказал кто-то. — Ее мама не пустила. У нее тренировка в бассейне.

— А что же с Генкой случилось? — спросил я. — Может, он тоже не придет?

— Генка в цирке ни разу не был, — сказал Толя.

Мы постояли немного, подождали.

— Пошли, — сказал я, — а то опоздаем.

И мы пошли. Только я почувствовал, что у ребят испортилось настроение. Стали какие-то молчаливые.

— Вот что, зайдем за Генкой, — решил я.

Развернулись и пошли к Генке.

Еще издали я увидел его. Он сгребал снег лопатой, а его мать скребком чистила тротуар.

— Здравствуйте, — сказал я.

Ребята столпились вокруг меня. Генкина мать посмотрела на нас. Она была в короткой тужурке и в пуховом платке. От работы ей, видно, было жарко.

— Приветик, — сказал Генка; он приподнял шапку, и от головы у него повалил пар.

— Ну-ка, надень шапку, постреленок, — строго сказала ему мать, — а то застудишься!

Генка напялил шапку.

— Это ему вместо физкультуры, — сказала Генкина мать. — И полезно, и матери подмога. Так что вы, ребяташки, идите по своим делам.

— Что вы! — сказал я. — Разве мы пришли Генку сманивать? Мы пришли вам помогать.

— Тетя Маруся, — крикнул Толя, — мы сейчас все переделаем! Это нам пустяк!

— Вот это уж ни к чему, — ответила тетя Маруся.

А Генка не стал возражать, он-то все отлично понял: отдал лопату Толе, а сам мгновенно куда-то сбегал и принес еще две лопаты и четыре скребка. Что тут началось! Ребята выхватили у него скребки и лопаты и стали расчищать снег. А я взял у тети Маруси лом и колотил образовавшийся под снегом лед.

Тяжелый был этот лом до чертиков, но я не показывал виду. Колол себе, и все... Рядом со мной лихо колол лед Генка.

— Это в наше-то время, — ворчал я нарочно, — когда запускают спутники и космические корабли, приходится колоть лед ломом!

— Я ей не сказал про цирк, — оправдывался Генка, — а то бы она меня прогнала.

— И правильно сделал, — ответил я.

И вот когда мы все так отчаянно и самоотверженно работали, когда перед нами уже лежала широкая полоса очищенного тротуара, когда мы были «один за всех и все за одного», вдруг из подъезда выплыли Зина Стрельцова с мамой. Зина была в новом голубом пальто и берете... А Стрельцова-старшая напялила на голову высокую папаху и гордо несла спортивную сумку своей дочери — будущей чемпионки по плаванию.

— А, это вы, молодой человек... — Увидев меня, Стрельцова-старшая остановилась. — Чудак!

Она назвала меня чудачком, словно дураком обругала. Но я-то доволен, что попал в отряд чудачков.

— Мы помогаем тете Марусе, — сказала Наташка.

— И Генке, — добавил Толя.

— Это эксплуатация детского труда. Я этого так не оставлю, — ответила Стрельцова-старшая, при этом она выразительно посмотрела на тетю Марусю. — Идем, Зиночка.

И они торжественно удалились.

— Тетенька, — крикнул Генка им вдогонку, — осторожнее, там лед! Упадете, запачкаетесь!

Стрельцова-старшая остановилась, боясь сделать следующий шаг.

Генка засмеялся. А за ним все ребята. И я. И даже тетя Маруся.

...Когда мы ворвались в цирк, представление уже началось и на нас зашикали, чтобы мы не шумели. А попробуй тут не шуми, когда с арены доносится музыка, крики клоуна и хохот зрителей.

— У нас билеты! — закричал я и выхватил из кармана длинную ленту билетов.

— Тише, — сказала контролер, — тише! Все равно во время выступления входить нельзя.

— Вы поймите, — сказал я тихо, — они первый раз в своей жизни в цирке.

— Так уж и в первый раз!

Нет, она была неумолима, а дети почти плакали, но потом она засмотрелась, а может быть, нарочно сделала вид, что засмотрелась, и мы шмыгнули в проход.

Выскочили, а куда идти, неизвестно, народу полно, свет... Столпились стайкой около прохода и стоим.

И вдруг клоун заметил нас и закричал на весь зал:

— Видели ли вы когда-нибудь, чтобы дети опаздывали в цирк?

— Нет, нет, нет!.. — понеслось со всех сторон.

— А теперь смотрите сюда! — Он подбежал к нам: — Вот они!

И все стали смотреть на нас.

— Мы работали, — сказал я.

— Вы слышите? — закричал он. — Они работали!

Он начал хохотать, упал от хохота, перекувырнулся через голову, и все захохотали с ним вместе.

— Мы работали, — сказала Наташка прямо в его раскрашенное лицо. — Чистили снег, товарищу помогали. Вот ему! — и вытолкнула вперед Генку. — Почему вы нам не верите?

Тогда клоун перестал хохотать, снял шапку и раскланялся перед нами.

— Причина уважительная, — сказал он.

И теперь никто уже не смеялся.

Клоун подал Наташе руку, крикнул:

— Музыку!.. — и повел ее, как настоящую сказочную принцессу.

А за ним пошли мы, и на нас светили разноцветные огни.

Клоун подвел нас к нашим местам и крикнул:

— Мороженщицу! В цирке дети должны есть мороженое.

И вот тут-то пошли в расход — между прочим, благородный — последние два рубля из папиной десятки.

А потом мы смотрели медвежий цирк, лизали мороженое и хохотали вместе со всеми.

*

Сегодня у мамы день рождения. А я притворился, что забыл: подарка-то у меня не было. Нехорошо, конечно.

Когда я утром вышел к маме, она встретила меня радостно. Мы сели за стол и стали завтракать.

— Ну, как тебе завтрак? — Она сама подталкивала меня к тому, что сегодня необычный день.

— Понравился, — ответил я.

— А что тебе понравилось? — спросила она.

— Все, — ответил я.

И вдруг она с подозрением спросила:

— А что ты ел?

А я как бухну:

— Действительно, мама, что я ел?

Оказалось, она специально в этот день приготовила праздничный завтрак — омлет, поджаренный с помидорами и сыром, — а я съел все и не заметил!

Мама ничего мне не ответила и вышла из кухни, чтобы подойти к телефону. И тут разразились гром и молния, ибо я услышал, как мама разговаривала с тетей Олей, и понял — это было совсем не трудно, — что та поздравляла ее с днем рождения!

Я притаился, как самый жалкий мышонок. Я почти не занимал места, почти испарился, внимательно прислушиваясь к маминым шагам, придумывая лихорадочно, как бы выкрутиться из создавшегося положения.

Вот мама прошла в комнату. Может быть, она ждала, что я выйду к ней? Потом ее шаги снова раздались в передней, замерли, и — спасение! — хлопнула входная дверь. Значит, мама ушла.

Я выглянул в окно. Мама быстро пересекала наш двор.

Вот если бы я был правдивым человеком, как Наташка, то я бы все честно рассказал маме. А мне было чем ее удивить! Дело в том, что я окончательно запутался и как сын, и как воспитатель. Вы только послушайте, что я придумал.

Меня посадили караулить первоклашек на контрольной, потому что их учительница заболела.

Когда я вошел и спросил их: «Ну, как идут дела?» — они в ответ тяжело вздохнули. Не надо было быть психологом, чтобы сразу догадаться, что дела у них шли неважно.

Я посмотрел на доску: там были примеры.

— Нечего сказать — нагружают детей, — заметил я, чтобы приободрить их. — Мы такие примеры решали в третьем классе.

На Зину Стрельцову жалко было смотреть: вот-вот заревет. Куда девалась ее спортивная находчивость! Я заглянул в ее тетрадь и увидел ошибку. Посмотрел в Наташкину — та же ошибка.

— Вы что, никогда не решали таких примеров? — спросил я.

— Решали, — нестройно ответили дети.

Я прошелся по рядам. Боже мой! Почти у всех одинаковые ошибки. У меня голова закружилась от напряжения. Конечно, их запугали: «Контрольная, контрольная, будьте внимательны, первая контрольная в вашей жизни...» Ну, они и перепугались. Вот почему я вырвал из тетради листок — надо было как-то поднять их боевой дух, — переписал примеры с доски, приговаривая: «Подумаешь, ерунда. Это же совсем ерундовые примеры», — быстро их решил, с победным видом отбросил листок, отошел к окну и повернулся к классу спиной. Краем глаза я заметил, что мой листок исчез со стола. Помню, я улыбнулся: мне понравилась находчивость моих подопечных.

На следующий день Нина сказала, что контрольная прошла благополучно, что у всех пятерки и четверки, что во всем классе только одна двойка!

Тут я взметнулся, я был возмущен двойкой! Я вбежал в первый класс и еще от двери закричал:

— Какой размазня получил двойку?

— У меня пятерка! — закричал радостно Костиков.

— И у меня, — сказал Толя.

— И у меня, и у меня, — закричали все подряд.

— А у кого же двойка? — спросил я. — Сознавайтесь!

И тут раздался тихий голос Наташки, и она сказала, что двойка у нее. Все, конечно, были просто потрясены, а я возьми да скажи:

— Эх ты, всех подвела!

— Девчонка! — закричал Костиков. — Даже списать не сумела!

— Не хотела, — срезала его Наташка.

Она посмотрела на меня. Глаза ее превратились в «клокочущий океан». Вот это был взгляд: прямо пригвоздила меня к позорному столбу. Невольно я отступил назад: не каждый может выдержать такой взгляд.

Уничтожив меня, она оглядела притихший класс, встала из-за парты и ушла.

Все ждали, что я что-нибудь произнесу, но я как-то мелко и противно задрожал и тоже выскочил из класса.

В этот день я поймал ее после школы. Подлетел к ней, будто ничего не случилось, и пошел рядом, весело и беззаботно размахивая портфелем.

Мы шли домой как обычно. Так могло показаться со стороны, но на самом деле все было не так. Она шла рядом со мной сама по себе. Семенила ногами, опустив голову так, что банты от ее коротких кос торчали, как рожки козленка.

А я старался вовсю. Унижался, прыгал, хохотал. Просто ужас, до чего мне хотелось с нею помириться.

— Не забудь вовремя дать бабушке лекарство!

У нее бабушка заболела.

Наташка промолчала.

— А когда будешь разогревать еду, не включай газ на полную силу.

Никакого ответа.

— Эх, махнуть бы сейчас на Камчатку! — сказал я и покосился на Наташку. — В долину гейзеров.

Я ждал, что она обязательно спросит про гейзеры. Но нет, не спросила. Ну и девчонка — кремень!

— Ты знаешь, что за штука гейзер? — не вытерпел я.

Нет, она определенно не желала иметь со мной дела. Тогда я нанес ей последний, решающий удар:

— Кстати, я узнал, как спят африканские жирафы. Они ложатся на землю, а шею обматывают вокруг туловища.

Я думал, на эти слова она отзовется. Она же любознательный человек и сама спрашивала у меня про этих жирафов, но сейчас ее ничего не интересовало.

— Слушай, — безнадежно сказал я, как будто сделал какое-то великое открытие, — а может быть, пойдём ко мне обедать? Мама будет рада.

Мои слова ударились в ее молчаливую спину. А мы уже поравнялись с ее домом. И тут ко мне пришло спасение: одинокая страшная собака. Все-таки мир не без добрых собак. Не зря, значит, говорят: «собака — друг человека». Вовремя появилась. Я торжествующе улыбнулся и сказал:

— Не бойся. Я здесь, — и взял за руку, чтобы провести мимо страшной собаки.

Наташка на мгновение остановилась, потом вырвала у меня руку и прошла мимо собаки. Так вызывающе близко, что красный шершавый собачий язык почти коснулся ее плеча. И скрылась в подъезде.

А я остался один. Представляю, какое у меня было лицо.

Я вспомнил, как Наташка впервые пришла за мной. У нее от волнения дрожал голос, и она перепутала мою фамилию. А я, здоровый дурак с большим лбом, еще издевался над нею. «Да, да, говорю, моя фамилия не Занудо, а Скандуто». Она тогда была маленькой и робкой, стояла передо мной — цветок на тонком стебле.

А после Наташки я вновь подумал о маме. До чего же у нее был обиженный вид, когда она пересекала двор! Конечно, никто ее не поздравил: ни я, ни отец, как будто она жила не в семье, а на необитаемом острове. Интересно, какое было бы настроение у меня, если бы это был мой день рождения?

И тут, конечно, позвонил папа. Я еще никогда в жизни не встречал такого неудачника. Что бы ему позвонить на пять минут раньше. Он бы и маму поздравил, и я бы не так сильно его огорчил.

— Здравствуй, папа! — сказал я и скорчил рожу для храбрости. — Папа, здравствуй! — И радостно добавил: — Мама уже ушла.

— Жаль, — сказал папа. — А я всю ночь ехал, чтобы добраться до телефона.

Я же говорил вам, что он неудачник: всю ночь ехал, а на пять минут опоздал.

— Ничего, — утешил я. — Я ей передам.

— Так то ты, а то я. Большая разница, — сказал папа. — Ну, что ты ей подарил, дьяволенок?

Слышно было, как назло, очень хорошо. Но я все же притворился, что не расслышал вопроса.

— Что? — крикнул я. — Не слышу, повтори еще раз.

— Я спрашиваю, что ты подарил маме? — крикнул папа.

— Что? Что? — переспросил я. — Ничего не слышу... — И повесил трубку.

Вбежал в комнату и стал лихорадочно одеваться, чтобы убежать до повторного звонка. Но не успел. Телефон зазвонил снова. Все, конечно, из-за папиной настойчивости. Лучше бы он больше не звонил, а то сейчас я должен буду рассказать ему правду. Я же говорю, он неудачник.

— Не вешайте трубку, — сказала телефонистка. — Разговор не окончен.

— Ничего не слышно, — ответил я.

— Все хорошо слышно, — сказала телефонистка. — А если вы глуховаты, позовите кого-нибудь с нормальным слухом.

Тут снова ворвался папин голос.

— Ничего он не глухой, — кричал папа. — Это ваш телефон работает плохо. Борис, ты слышишь меня, Боря...

— Папа, — обреченно сказал я, — теперь я тебя слышу хорошо.

— Ну, что же ты купил маме?

— Ничего.

— Ничего? — удивился папа. — А почему ты, собственно, ничего не купил?

— Я... я... я... забыл, — сказал я. — То есть у меня нет денег.

— Как нет? Ты их потерял?

Я хотел ему все объяснить, но по телефону это трудно.

— Ну, понимаешь... — Надо было как-то отделаться, и я сказал: — Проел на мороженое.

После этого наступила длинная пауза.

— Алло, алло! — кричал я в трубку.

Папа молчал.

— Теперь, кажется, вы оглохли, — ворвался голос телефонистки. — Он сказал, что проел деньги на мороженое.

— Я все слышал, — ответил папа. — Силен мужик! — И, не попрощавшись, повесил трубку.

После этого разговора у меня пропала всякая охота что-нибудь делать.

«Дьяволенок» снова был в действии. «Дьяволенок» — это я, это мое прозвище с детства, с первого класса. Я тогда надел папины темные очки и пошел в школу. Меня в них никто не узнавал, и мне это так понравилось, что я не пошел на урок, а гулял по коридорам. И догулялся. Ко мне подошла учительница из параллельного класса и спросила, почему я разгуливаю во время уроков. «Уж не заболел ли?» А я ей на чистом французском языке: «Же нэ спа», то есть не понимаю, прикинулся иностранцем. Ну, она отняла у меня очки, и я сразу все стал понимать. А папа прозвал меня дьяволенком, но, по-моему, я с тех пор здорово перезрел

и стал настоящим дьяволом.

Хотя, если разобраться, я ни в чем не виноват. Но этого ведь никому не объяснишь. Вы же помните, я собирался купить маме подарок. Тому свидетельствует кровать, перекрашенная мною в синий цвет. С другой стороны, как выяснилось, не без помощи тети Оли меня назначили вожатым. А затем эти несчастные дети закружили меня, заморочили, отвадили от друзей, выманили деньги, которые отец оставил на подарок. Мало того, сначала разжалобили, прикинулись несчастными, вынудили меня подкинуть им решение контрольных примеров, а затем превратили в негодяя. А я ведь просто хотел их по-дружески выручить. Вот и «навыручил» на свою голову. И вдруг мне до ужаса стало жалко... не маму, нет! Не папу, не первоклашек, а себя самого! Никто меня не ценит, никто не понимает моих страданий.

А как легко и прекрасно я жил! Чтобы меня мучила бессонница, как вчера из-за этой контрольной? Чтобы я унижался перед какой-то пигалицей вроде Наташки?

Я был гордый человек. Я никому не позволял над собой издеваться. А теперь я чувствовал, что меня словно подменили. Вроде я тот самый, и нос на месте, и глаза те же, а внутри другой. Какой-то задумчивый, размышляю, казню себя. Так не долго дойти до полного нервного истощения, и прощай жизнь, прощай небо, прощай космос!

Нет, решил я, не сдамся! Я оделся и в прекрасном настроении направился в школу. Нет, пожалуй, не в прекрасном, а в хорошем, в таком хорошем умеренном настроении, когда все не так уж плохо.

*

В школе меня подстерегало очередное разочарование. Когда я шел по нашему коридору, то увидел Сашку и бросился к нему навстречу. Он проскочил мимо меня к Насте, стал извиваться перед ней и что-то там свистеть на своем флейтовом языке.

Они прошли в класс, не заметив меня. Кажется, настал час: мне пора было гордо удаляться. А жаль! Так хорошо было, когда был Сашка и была Настя.

В тот момент, когда я вошел в класс, Настя вытащила из парты цветы. Ясно, чья это была работа. Она полюбовалась ими немного более, чем надо, и все ребята заметили, хотя у нее в руке был совсем маленький жалкий букетик никому не известных цветов.

— Ребята, смотрите! — крикнул кто-то. — Насте преподнесли цветы!

А Настя встала, подошла к Сашке и сказала:

— Спасибо, Саша!

Она это сказала так выразительно и с такой душевной нежностью, что я чуть не упал на пол.

— Боже мой! — крикнул кто-то. — Никак, любовь!

— Кто жених, а кто невеста? — спросил какой-то запоздалый остряк.

— Александр Смолин и Анастасия Монахова, — ответили ему.

Да, кажется, меня уже гордо удалили, пока я сам собирался. Я прошел к своему месту и водворился рядом с Сашкой, не подымая глаз. Я видел только Сашкины руки, которые упорно открывали и закрывали футляр, и Настину руку, в которой все еще были зажаты цветы.

Но теперь ко мне это не имело никакого отношения.

Кто-то глухо хихикнул над Настей. Неужели Сашка не собирался сознаваться в том, что это его цветы? Я шарахнул его изо всех сил в бок.

Он посмотрел на меня и вытащил наконец флейту. Ну и выдержка! Он и не думал пугаться и отказываться от букета. Сейчас он сыграет Насте какую-нибудь серенаду или свою знаменитую пастораль под названием «Пастух играет аисту». Я приготовился слушать.

А он стал продувать флейту, дунул раз, другой, третий. Нет, играть он не собирался.

— А я-то думала, — сказала Настя, — что Смолин не только музыкант, но и вежливый человек. — Она разжала кулак, и цветы упали на нашу парту.

Я перехватил ее взгляд: глаза у нее были как у побитой собаки. Жалкие, горькие и униженные.

— Подарил, а теперь отказывается! — выкрикнул девчоночий голос. — Ну и тип!

— Ничего я не дарил! — вдруг заорал Сашка, размахивая флейтой. — Я все деньги на мороженое проедаю!

— А кто же, интересно, подарил? — спросил кто-то.

— Откуда я знаю? — ответил Сашка. — Может быть, она сама себе подарила.

Все от Сашкиного неожиданного ответа даже язык прикусили. Такой находчивости и изобретательности я от него не ожидал. Вот так «молодец протухший огурец»!

А Настя, точно от удара в спину, втянула голову в плечи, и худенькие лопатки у нее торчали, как сложенные крылья.

У меня вдруг все заплясало перед глазами и гулко забилось сердце: в ушах, в горле, в голове. Я вскочил на парту и не помня себя закричал:

— Тихо, тихо, не возводите напраслину на благородного человека! Это не он подарил Насте цветы. — Теперь все смотрели на меня. — Это я!

Дальше я не совсем точно помню, что произошло, только я увидел, как Настя встала, подошла к нашей парте, собрала оброненные цветы и сказала:

— Спасибо, Збандуто.

Я хотел ответить что-то вроде «пожалуйста, всегда рад служить прекрасным дамам», но язык у меня присох к горлу, и вместо слов я издал какой-то победный клич и стал бешено и радостно прыгать на парте.

— Эй, ты что, сдурел? — крикнул Сашка. — Флейту раздавишь!

Он схватил меня за ногу и дернул, и я грохнулся вниз, больно ударив колено. Я бросился на Сашку, чтобы хорошенько отделать его, и двинул ему кулаком в помидорное лицо, но попал почему-то в воздух. Он громко и победно захохотал.

Правда, он хохотал один во всем классе. Сразу отпала всякая охота с ним драться. У меня твердое правило: лежачего не бить. А Сашка был лежачий, хотя он хохотал и корчил из себя героя.

А тут в дверях появились первоклассники Толя и Генка, и я забыл про Сашку.

— А, ребяташки, привет! — сказал я.

Я обрадовался им, точно не видел их милые морды тысячу лет, точно они мне были самые близкие и родные, и незаметно для себя очутился вместе с ними в первом классе.

Я только тогда опомнился, когда увидел Наташку. Улыбнулся ей и подмигнул, а потом вспомнил про свои дела-проделки и скис, и нога заболела еще сильнее. Я с трудом оторвал взгляд от Наташки и спросил:

— Ну, как живете-поживаете?

— Хорошо поживаем! — крикнул Толя.

— На пятерочках катаемся, — подхватил Генка.

— Хвастун ты, Костиков, — перебил я его. — Вроде меня.

Видно, мое признание их поразило. Да что их — оно меня самого поразило. Теперь осталось преодолеть только бесконечное расстояние от учительского стола до дверей.

Около дверей я остановился, в последний раз посмотрел им в лица, не просто так скользнул взглядом, а заглянул каждому в глаза. Можете мне не верить, но в этот момент я был счастливым человеком. «Как это, — скажете вы, — говорил всем, что эти дети — твои лучшие друзья, и вдруг, расставаясь с ними, оказался счастливым человеком».

А вот так.

В коридоре я увидел Сашку, который явно поджидал меня. Ну что ж, раз так, то пожалуйста, и пошел к нему. Я приближался, и его лицо покрылось мраморной бледностью. В последний момент он не выдержал, повернулся и убежал.

В другой раз я бы его догнал — все-таки лучший друг, а друзья, как известно, в пыли на дороге не валяются, но сегодня я спешил к нашей новой старшей вожатой Вале Чижовой, чтобы рассказать ей все про себя, чтобы поставить последнюю точку. А там пусть со мной делают что хотят, пусть казнят или четвертуют, я все выдержу.

Она меня встретила весело. Она такая рыжая и хохотунья. Я ее давно знал: она из десятого «В». Но когда я закончил свою исповедь, она помрачнела и сказала:

— Что теперь делать с этим первым «А», не знаю. Ведь их через две недели должны принимать в октябрюта. А можно ли?

— Если их не примут, — возмутился я, — то кого же тогда принимать?

— Я думаю, тех, кто не списывал контрольные.

Я испугался, что из-за меня их не примут, и сказал:

— Они же маленькие.

— Разумеется.

— Они растерялись. Их запугали: «контрольная, контрольная».

— Может быть, — сказала она.

— А мне их стало жалко. Вот я и поддержал.

— Поддержал, говоришь. — Она секунду помолчала, а потом сказала: — А я тебя помню, ты выступал в самодеятельности, играл собаку. Здорово лаял. У тебя фамилия еще такая смешная... Скандуто.

— Збандуто, — поправил я ее.

— Извини.

— Ничего, я привык.

— А потом ты потерял хвост, и мы долго смеялись. Я и теперь, когда вижу тебя, вспоминаю тот случай и смеюсь. Ты не обижайся.

— Я не обижаюсь.

— Слушай, а что, если я на свою ответственность тебя прощу?

Я промолчал, хотя мне ее предложение очень понравилось.

— Нет, пожалуй, так нельзя, — сказала она. — Ты иди, а я подумаю.

А я снова почувствовал себя счастливым и еще отчаянно храбрым.

Зашел в первую телефонную будку и позвонил маме.

— Мама, — сказал я, — поздравляю тебя с днем рождения.

— А, это ты, — протянула мама и замолчала.

Было слышно, как там кто-то играл в мяч — в волейбол или баскетбол. У них телефон прямо в спортивном зале.

Я не дождался маминого ответа и стал ей сам рассказывать новости.

— Папа звонил. Только ты ушла. Тоже поздравлял. Он всю ночь ехал к телефону, а опоздал всего на пять минут. Расстроился. Я ему говорю: «Я все маме передам», а он ответил: «Я хотел сам, лично. Хотел услышать ее голос».

Она ничего на это не ответила, и я вообще подумал, что мама меня не слушает, если бы не звонкие удары мяча об пол, которые долетали до меня оттуда. Но мне все равно не хотелось с нею расставаться, и я сказал:

— Мама, у меня новость — я больше не вожатый. — Голос у меня был радостный, а в конце фразы я даже хихикнул.

Она совершенно не удивилась ни моему хихиканью, ни бодрости и не спросила почему — она никогда не задавала лишних вопросов, — а сказала:

— Да, да, Боря, я тебя слушаю.

— Понимаешь, я им подсказал на контрольной, решил за них примеры, и они почти все получили пятерки. А сегодня я во всем сознался. Правда, здорово?

— Да, да, Боря, — повторила она, — я тебя внимательно слушаю.

— Мама, а у тебя там во что играют?

— В ручной мяч, — ответила мама.

— А я думал, в баскет или в волейбол.

— Нет, в ручной мяч. — Она подумала минутку и сказала: — Хочешь, приходи.

Я оглянулся и увидел унылую фигуру Сашки. Он подпирал дерево.

— Спасибо, — ответил я, — в другой раз. У меня важное дело.

— Ну ладно, — сказала мама. — И тебе спасибо. Я думала, ты забыл про сегодняшний день. Ничего, конечно, страшного, но почему-то обидно. — И повесила трубку.

Я вышел из будки. Настроение у меня ухудшилось. Стало непривычно грустно. Мне бы сейчас поехать к маме, а я должен возиться в Сашкой. Помахал этому дураку рукой — иди, мол, ко мне, а он опять, как загнанный заяц, бросился в сторону. Только пятки мелькнули.

Тогда я решил устроить Сашке ловушку. Зашел для этого в универмаг и спрятался недалеко от двери. Стою, жду. И вдруг кто-то меня спросил:

— Мальчик, тебе что надо?

— Мне? — Я оглянулся и обалдел.

Представьте, на месте продавщицы в отделе женских шляп стояла наша бывшая старшая вожатая Нина.

— Здравствуй, Збандуто, — сказала она. — Удивлен?

— Удивлен, — ответил я.

А я и правда был удивлен.

— Не хотите ли купить женскую шляпу? — спросила она.

— Хочу, — принял я ее игру, — для мамы. Тем более у нее сегодня день рождения.

— А какой у нее размер головы?

— Естественно, как у меня.

Нина смерила сантиметром голову, взяла какую-то шляпку и напялила на меня. Я посмотрел в зеркало: на моей голове возвышалась какая-то дурацкая шляпа, какой-то самовар с трубой.

Мы оба рассмеялись.

— Между прочим, — сказала она, снимая с меня шляпу, — это смех сквозь слезы. Представляешь, некоторые женщины покупают эти трубы и носят... Ну, рассказывай, как там у нас... — она смешалась, — у вас.

— По-старому. Теперь вместо тебя Валька Чижова, из десятого.

— Знаю — Чижик. А твои малыши как?

— Ничего, растут. Зина Стрельцова заняла первое место в вольном стиле. А Лешка Шустов поступил в кружок по рисованию. Это новенький, ты его не знаешь. Не хотели его брать, говорят, мал, но я настоял... Только я ушел от них.

— Ушел?.. У тебя же настоящее призвание. Это я тебе говорю.

— Ничего не поделаешь. Я и сам о них скучаю. Не хватает мне их. Но не имею права... Помнишь контрольную, когда я заменял у них учительницу? Так эти примеры я за них решил.

— Честное слово, ты неуправляемый снаряд! Совершенно неизвестно, в какой момент взорвешься, — сказала она своим прежним тоном. — Ты извини, я по дружбе, теперь это меня не касается.

— Я сегодня решил начать новую жизнь, — сказал я. — Никогда не буду врать.

— Все мы начинаем новую жизнь, — ответила она. — Что там про меня судачат?

— Не знаю, — ответил я. — А что должны про тебя «судачить»?

Нина внимательно посмотрела на меня:

— Неужели ты ничего не слышал?

Я ответил, что нет. Я действительно ничего не слышал, а если бы слышал, разве стал бы так притворяться?

— Да, ты всегда был чудачком, — сказала она. — Это хорошо. Когда ты станешь управляемым, тебе цены не будет.

Я на всякий случай усмехнулся, потому что не разобрал, шутит она или говорит серьезно. Раньше она все говорила только серьезно и торжественно, а сейчас она мне понравилась. Оказалось, она умела шутить, и видно было, что она мне рада.

— Знаешь, почему я ушла из школы? Из-за любви без взаимности. К одному учителю. Не скажу, к какому...

И не надо, подумал я, потому что вспомнил, как она рисовала мужчину с бородой. А у нас в школе бородатый всего один.

— Страшная штука любовь, — поддержал я ее. — Чего только люди ради нее не делают! Даже Пушкин из-за любви стрелялся на пистолетах.

— Что ты несешь, Збандуто? При чем тут Пушкин? — сказала Нина. — Там были социальные причины.

— Я сам читал, — сказал я виновато, — не по программе.

— А он на меня никакого внимания. Ночи не спала. Стихи сочиняла. Однажды не выдержала, пришла к нему домой и во всем созналась. А он говорит: «Это пройдет» — и угостил меня пирожным. Все привыкли, будто для меня самое главное еда. Колобок да Колобок. Ну, я съела пирожное и ушла. А на следующий день встретила его с какой-то дамой. Я когда увидела их вместе, у меня голова кругом пошла.

— Это от ревности, — сказал я.

И поискал глазами Сашку. Его нигде не было.

От волнения Нина из шляпы, которую я примерял, сделала гармошку, вот-вот она должна была на ней заиграть что-нибудь печальное. Я вырвал шляпу у нее из рук, расправил и отдал обратно. Она поставила ее на место и успокоилась.

— Ну, до свиданья, Збандуто, — сказала Нина. — Заходи. Не забывай. Ребятам привет. Я ведь, знаешь, в нашей школе провела всю свою жизнь. У меня мама еще работала старшей вожатой, и я к ней прибегала с четырех лет. Так что я там пробыла целых шестнадцать лет... А если хочешь купить своей маме хороший подарок, походи в бижутерию и купи ей брошку. Женщины любят украшения.

— Спасибо за совет, — ответил я, — но у меня кончился капитал. Отец оставил десятку, а я истратил.

Она полезла в карман форменного платья — она была похожа в этом платье на стюардессу, — и тут я догадался, что с нею произошло. Из толстухи, из колобка, она превратилась в худенькую, стройную девчонку. Вот что значит любовь и страдания. А тем временем она вытащила из кармана два рубля и сказала:

— Купишь маме цветы.

— Да что ты! — возмутился я. — Не возьму.

— Брось дурака валять, Збандуто, — сказала она своим прежним тоном. — Бери. А будут деньги, вернешь.

Когда я вышел из магазина, Сашки уже не было. Я его нашел дома. Он сидел в полном одиночестве и, не стесняясь, плакал.

Он пошел к Насте, чтобы помириться, а ему сказали, что она улетела на Дальний Восток. Неожиданно приехал ее отец и забрал ее с собой.

— Плачь не плачь, — сказал я, — а она уже на другом конце земли.

— Но у меня есть адрес, — сказал Сашка. — Я могу ей написать письмо. Если она захочет, я расскажу правду всем ребятам. — И с грустью добавил: — Я предатель. Вот что меня убивает.

— Это кого хочешь убьет.

Сашка помолчал-помолчал, а потом с обидой в голосе ответил:

— Тоже друг, не можешь даже успокоить!

— Не могу я тебя успокаивать, — сказал я. — Я сам подлец и предатель.

И я рассказал Сашке про контрольную в первом классе, и про Наташку, и про то, как я размотал десять рублей, и про мамин забытый день рождения.

— Про первоклашек — это ерунда, — сказал Сашка. — Плевать тебе на них.

— Это ты зря. Их обманывать нельзя. Они всему верят.

— Все равно они научатся врать, — упрямо сказал Сашка. — Все люди врут, особенно в детстве.

— Нет, не научатся. Эти не будут врать. А если кое-кто из них соврет, то мне бы не хотелось к этому прикладывать руку.

— Ну, а как же нам теперь дальше жить? — спросил Сашка. — Придумай что-нибудь, ты же умеешь.

— Можно дать клятву, что мы больше никогда не будем предателями.

— Давай клятву или не давай, — сказал Сашка, — а старого не воротишь.

Мы вспомнили обо всех своих неприятностях, и нам расхотелось давать клятву.

За окнами темнело, а затем эта темнота проникла в комнату.

Зазвонил телефон. Это была моя мама. Вдвоем с тетей Олей они ждали меня на именинный пирог!

— Пошли, — сказал я, — у нас именинный пирог.

Мы вышли на улицу, и нам сразу стало лучше. Горели огни, сновали и толкались люди. Шел мелкий дождь: такая зима стояла.

Мы купили маме цветы на Нинины деньги и пошли есть именинный пирог.

*

Несколько дней прошло в полном затишье. К первоклассникам не ходил, но они прибежали ко мне чаще, чем раньше. Все, кроме Наташки. Каждую перемену по несколько человек.

Только теперь в нашем классе никто надо мной не смеялся. Я думаю, что некоторые из наших даже завидовали, что эти дети так ко мне

привязались. А тут на одной из перемен ко мне пришел новичок, Леша Шустов, принес в подарок пирогу, слепленную из пластилина, и в ней сидело двадцать пять индейцев с перьями на голове и серьгами в ушах и носу. Двадцать четыре человека сидели на веслах, и один был рулевой. Крохотные такие фигурки, непонятно, как он их слепил.

Забавный он парень, сосредоточенный и молчаливый.

Я с ним познакомился недавно. Как-то зашел в первый класс, по привычке, и нарвался на него.

— А чего ты здесь сидишь? — спросил я его.

— Леплю, — ответил он. — Дома ругаются, что я все пачкаю.

Честно говоря, меня это возмутило. Что ж, они не понимают, что ему охота лепить?

— А кто ругается? — спросил я.

— Бабушка, известно кто, — ответил он. — Говорит, лучше делом займись. Читай или уроки делай.

— Складывай книги, — приказал я. — Пойдем к твоей бабушке.

— Нет, — сказал он, — я лучше здесь. Не люблю я, когда она меня пилит. — Потом внимательно посмотрел на меня и спросил: — А ты кто?.. Боря?

— Да, — признался я.

И тут он без слов быстро стал запихивать в портфель книги и тетради и уронил кусок пластилина на пол, раздавил его и виновато посмотрел на меня.

— Вот всегда у меня так, — сказал он.

— Ничего, — приободрил я Лешу. — В большом деле у всех бывают накладки.

Хороший он паренек оказался, и бабушка тоже ничего. Только они друг друга не всегда понимали.

Все наши набросились и стали рассматривать эту пирогу и удивляться. А Лешка от смущения убежал. А тут, кстати, появилась старшая вожатая Валя Чижова, взяла пирогу в руки и сказала:

— Да он талантище! Збандуто, ты должен отвести его во Дворец пионеров. Его надо учить.

Потом, уже на ходу, так, между прочим, бросила:

— Да, с тобой все решили. Зайди ко мне, расскажу. — И убежала.

Только я вскочил, чтобы бежать за Валею и узнать, что там со мной решили, как ворвались Толя и Генка и сказали, что Наташку увезли в больницу.

У меня прямо все похолодело внутри.

— У нее заболел живот, и ее увезли, — сказал Генка. — «Скорая» приезжала.

Я побежал в учительскую. Я бежал так быстро, что Генка и Толя отстали от меня. Когда я вышел из учительской, весь первый «А» стоял около дверей.

— У нее аппендицит. Ей сейчас делают операцию. Через два часа я пойду в больницу, — сказал я. — Кто хочет, может пойти со мной.

Потом я побежал вниз и из автомата позвонил Наташкиной бабушке и соврал ей, что Наташка задержалась в школе. Не мог же я сказать, что Наташке вот сейчас делают операцию.

Когда я вышел после занятий на улицу, то у школьного подъезда меня ждал весь класс. Даже Зина Стрельцова.

— У матерей отпросились? — спросил я.

Они закивали головами.

— Мне мама велела, — ответил Генка, — чтобы я не приходил домой, пока все не закончится.

— А моя мама сказала, что сейчас аппендицит не опасная операция, — сказал Гога.

— «Не опасная»! — возмутился Толя. — Живот разрезают. Думаешь, не больно?

Все сразу замолчали.

Ребята остались во дворе больницы, а я пошел в приемный покой.

Оказалось, мы пришли не в положенное время и узнать что-нибудь было не так просто. Какая-то женщина пообещала узнать, ушла и не вернулась.

Потом появился мужчина в белом халате и в белом колпаке. Вид у него был усталый. Может быть, это был хирург, который делал Наташке операцию?

— Здравствуйте, — сказал я, когда перехватил его взгляд.

— Здравствуй, — ответил он. — А чего ты здесь, собственно, ждешь?

— Одной девочке делали операцию, а я пришел узнать.

— Ты ее брат?

— Нет, — сказал я, — вожатый.

— А, значит, служебная необходимость. Понятно.

— Нет, я так просто, — сказал я. — Да я не один.

Я показал ему на окно. Там во дворе на скамейках сидели мои малыши.

Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на воробьев, усевшихся на проводах.

— Весь класс, что ли? — удивился хирург.

Я кивнул.

— А как девочку зовут?

— Наташа, — ответил я. — Маленькая такая, с косичками. Ее отец

тоже хирург. Только он сейчас в Африке. Может, встречали. Морозов его фамилия.

— Морозов? Нет, не знаю. Впрочем, это неважно. Подожди... — И пошел наверх.

А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуюсь, зеваю и не могу сидеть на месте: хожу и хожу. Зря я не запретил Наташке ездить на пузе по перилам лестницы. Ведь из-за этого все и получилось. Она съехала на пузе и не смогла разогнуться.

Я знал, что Наташка любит так ездить, и не ругал ее. Ругать ее было глупо, потому что я сам так катаюсь. А у меня железное правило: никогда не ругать детей за то, что сам не прочь сделать. Сначала сам избавься, а потом других грызи. А теперь я себя во всем винил.

Наконец появился хирург.

— Можете спокойно отправляться домой, — сказал он. — Я только что видел вашу подружку. Она хорошо перенесла операцию. Завтра приходите и приносите ей апельсины и сок.

Он улыбнулся и подмигнул мне. «Чудак какой-то в белом колпаке, — подумал я. — Чудак. Распрекрасный чудак». В ответ я ему тоже подмигнул. Иногда такое подмигивание действует посильнее слов.

Хирург посмотрел на меня и захохотал.

— Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад с вами познакомиться, Борис... — он замялся, — с какой-то невозможно сложной фамилией.

— Збандуто, — сказал я.

Ух, как я обрадовался! От радости я еле сдержался, чтобы не броситься ему на шею. До чего мне была дорога эта глазастая Наташка! Значит, она ему сказала про меня, значит, он с нею разговаривал.

Я выскочил во двор, чтобы обрадовать малышей. Они повскакали со своих мест, как только увидели меня, и я им все рассказал.

— Она во время операции даже ни разу не крикнула, — сказал я.

Хирург мне этого не говорил, но я-то хорошо знал Наташку.

— Вот это да! — сказал Генка. — Вот это сила!

Остальные ничего не сказали. Не знаю, о чем они там думали, но только мне нравилось, что они такие сдержанные.

И еще мне нравилось, что они у меня «один за всех и все за одного». Именно так и надо будет жить в двадцать первом веке. А когда их спросят, откуда они такие появились, то, может быть, они ответят, что жил среди них некто Збандуто, который предчувствовал двадцать первый век и воспитал их.

Дети окружили меня плотным кольцом, и мы двинулись по улице.

И тут я увидел тетю Олю. Она вышла из магазина своей

стремительной, будто летящей походкой. Я бросился следом за нею, расталкивая и обегая встречный поток людей, но она, раньше чем я добежал, села в троллейбус, на секунду мелькнул ее профиль, и она ускользнула от меня вдаль.

Правда, мне было достаточно и этой мгновенной встречи, потому что я вспомнил, что именно благодаря тете Оле я иду среди этих детей и живу жизнью, которая сделала меня счастливым.